

МАРИНА НЕФЕДОВА

МИРЯНЕ КТО ОНИ?

Как в православии найти самого себя
Современные истории

Марина Евгеньевна Нефедова Миряне – кто они? Как в православии найти самого себя. Современные истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27060880

*Миряне – кто они? Как в православии найти самого себя. Современные истории. / Нефедова М. Е.: Никея; Москва; 2016
ISBN 978-5-91761-522-6*

Аннотация

В книге «Миряне – кто они?» – история и опыт девяти наших православных современников, очень разных. Известный телеведущий Александр Архангельский и баба Нюра из подмосковной деревни, поэт Ольга Седакова и психолог Борис Братусь, Елена Альшанская и Владимир Берхин, которые много лет занимаются «социалкой» и не «сгорели», харьковский художник Дмитрий Дидоренко, который лишился глаз, но не перестал рисовать, мама девятерых детей Мария Красовицкая, которая преподает будущим священникам практическое богословие, Ирина Ратушинская, оказавшаяся в 80-е годы в мордовских лагерях...

С ними радостно и интересно познакомиться, им есть чем поделиться с читателями, их ответы могут совпасть с вашими

вопросами, и их опыт веры и жизни уникален, как уникален опыт любого человека.

Содержание

Предисловие	6
Александр Архангельский. Объединение с самим собой	8
Между цирком и зоопарком	11
Религия скоропостижного спасения	15
Через дырочки	20
Время простора	26
Читать или быть святым	30
Лава не застыла	36
«Вежливо жалят...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Нефедова

Миряне – кто они? Как в православии найти самого себя. Современные истории

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р16-518-0851

В книге использованы фотографии:

Сергея Белоусова, Анны Гальпериной, Федора Давыденко, Михаила Денисова, Ивана Джабира, Екатерины Загуляевой, Марии Кондратьевой, Ксении Лученко, Ольги Макаровой, Дмитрия Маркова, Сергея Мелихова (Forbes), Владислава Нефедова, диакона Андрея Радкевича, Юлии Рыженко, Ирины Сечиной, Павла Федосова, Ефима Эрихмана, Pravitir.ru, «Милосердие. ru», а также фото из личных архивов.

Предисловие

Верующие в зоне доступа

Недавно в соцсетях кто-то написал, что в информационном пространстве сегодня невозможно увидеть живых современных верующих. «Настоящих, думающих, ошибающихся, делающих, любящих, ненавидящих и готовых дать ответ о своем уповании». Нет в зоне доступа современников-мирян.

А ведь «живые верующие» нужны и тем, кто только интересуется, «испытывает и оценивает» религии, и единомышленникам. Первым – чтобы познакомиться, вторым – потому что идеалы на протяжении жизни не всегда работают. А вера, надежда и любовь иногда переходят в неактивную форму, в состояние «стенд-бай». И помощь неожиданно можно найти у людей, которые похожи на нас – только живут вдохновенно. Когда у тебя огонь почти потух, важно видеть, что у кого-то он горит.

В книге «Мирыне – кто они?» мы сделали попытку собрать девять «живых верующих» и познакомиться с ними. И познакомить вас.

И мы очень признательны и благодарны всем, кто согласился участвовать в этом проекте.

Мы хотели, чтобы эти интервью были не только и не столь-

ко про то, «как я пришел к вере».

Мы хотели, чтобы в них прозвучал опыт подъемов (понятно, интервью – не исповедь, поэтому у нас больше про подъемы, чем про падения). Чтобы в них можно было прочесть про опыт выхода. Про мировоззренческие открытия. И просто про жизнь.

Зачем читать про незнакомых людей? Возможно, затем, чтобы понять, что ты не один. В чужой жизни найти ответы на свои вопросы. И здесь важен не только опыт другого, но и определенный вектор. Как этот человек пришел в ту точку, в которой он сегодня служит Богу и людям? Ведь интересно же, как он там оказался!

Из девяти интервью семь были взяты специально для этой книги (шесть – это «живые» беседы журналиста и героев, седьмое – письменные ответы Ольги Седаковой), а два материала – про бабу Нюру и незрячего художника – были подготовлены автором некоторое время назад и опубликованы в журнале «Нескучный сад». Мы решили включить их в книгу, потому что, как кажется, они расширяют «зону доступа» мирян.

Себя трудно увидеть объективно. Но себя можно узнать в другом. Как запотевшее зеркало: стираешь рукой воду – и узнаешь себя.

И вообще, как известно, интереснее человека ничего нет.

Марина Нефедова

Александр Архангельский. **Объединение с самим собой**

Известный телеведущий и писатель, он считает, что на телевидении должны жить только «дрессированные животные», а писатель – это крот, который не может не рыть, даже если у него это плохо получается. Что детство – это время сопротивления и простора, а если человеку не с кем поговорить, он может поговорить с книгой. О том, как работать «клеем», в чем проблема православных СМИ и что должно быть вместо архаики и модернизации – «человек из телевизора» Александр Архангельский.

Биографическая справка

Александр Николаевич Архангельский – писатель, публицист, телеведущий. В прошлом – литературовед, литературный критик. Родился в 1962 году в Москве.

В 1984 году окончил факультет русского языка и литературы МГПИ, кандидат филологических наук. Работал в детской редакции Гостелерадио СССР, в журналах «Дружба на-

родов», «Вопросы философии». Обозреватель, затем заместитель главного редактора, затем – до 2006 года – колумнист газеты «Известия».

С 2000 года – автор, ведущий и руководитель программы «Тем временем» на телеканале «Культура». Как критик и публицист печатался во многих ведущих российских и зарубежных изданиях. Автор циклов документальных фильмов «Отдел», «Жара» на телеканале «Культура». Автор книг «Александр I», «1962. Послание к Тимофею», «Цена отсечения», «Музей революции» и др. Член Союза российских писателей. Профессор факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики. Женат, четверо детей.

Между цирком и зоопарком

– Вы много лет на телевидении, и при этом говорили, что ТВ в лучшем случае может только намекнуть на глубину, а вглубь никогда не идет. Не тяжело так долго заниматься «намеканием»?

– Ну, это кому как. Учителю тоже приходится каждый день из года в год намекать на научную глубину. Хотя если бы я занимался только телевидением, наверное, я бы давно выгорел. Телевидение не подпитывает. Говорят про какой-то наркотический эффект от присутствия в эфире – у меня этого нет. Это работа. Важная, сложная, оплачиваемая, выматывающая до последнего предела.

– **Интересная?**

– В чем-то – да, в чем-то – нет. Причем ее интересная часть связана с нарушением всех профессиональных правил – это когда ты позволяешь себе лично что-то узнавать и понимать. Потому что, работая на телевидении, ты не имеешь на это права. Твою программу одновременно смотрят сотни тысяч человек, у всех разные интересы, и ты работаешь на них, а не на саморазвитие. Я произвожу программу, бесконечно балансируя и часто идя на компромиссы. И я не исключаю, что есть черта, за которой и эти компромиссы будут невозможны.

– Вы все время должны думать о зрителях?

– Думает ли лев, которого заставляют прыгать через огненное кольцо, что он должен порадовать зрителей? Нет, он должен быть просто львом, который умеет сосредоточиться и проскочить сквозь пламя, не подпалив при этом шерсть. Так что про зрителей все время не думаю, но чувствую их нервными окончаниями. Другое дело, что если тебе самому неинтересно, то ничего не получится. У меня был один опыт в жизни, когда я девять месяцев делал то, что мне было неинтересно. Это была моя первая работа – на Всесоюзном детском советском радио. Через несколько месяцев работы там я понял, что кончаюсь, причем физически. Я проломил пределы своего компромисса. С тех пор никогда больше к этой черте не приближался.

Что мне интересно на телевидении? Люди, которые приходят в студию. Хотя при этом моя основная задача – мешать им уходить вглубь. Потому что телевидение – это что-то среднее между цирком и зоопарком, там могут жить только дрессированные животные. Недрессированные должны жить в саванне.

– Но сверхзадача-то какая-то у вас есть?

– Есть. Я работаю клеем. Я склеиваю меньшинство. Люди, которые смотрят в том числе программу «Тем временем», даже если их не очень интересует конкретная тема передачи,

подсознательно проживают момент единства со своим сословием. А поскольку в России не классовое, а сословное общество, то, я считаю, эта задача социально очень важная.

– А какое сословие смотрит «Тем временем»?

– Образованное.

– То есть интеллигенция?

– Интеллигенция – это орден внутри сословия. Это люди, которые ощущают себя причастными к какому-то мессианскому делу. А есть люди просто образованные.

– Но у нас же нет необразованных...

– Да, у нас страна повального высшего образования. Но есть те, для кого образование – только инструмент. А к сословию образованных относятся те, для кого образование – суть их жизни, а все остальное – инструмент: конкретная работа, место службы, даже место жительства. Для них важно все, что про содержание и смыслы. Это не значит, что они хуже или лучше остальных. Они просто такие.

– Вы как-то говорили, что советский строй на самом деле победили не диссиденты, а советские учителя. Что такого особенного делает с человеком образование?

– Оно освобождает от многих зависимостей, оно стано-

вится для человека социальным коконом. И в кокон можно спрятаться от излишнего давления окружающего мира. Если человеку не с кем поговорить здесь и сейчас, он может, в конце концов, поговорить с книгой. При этом человек образованный все проверяет доводами разума, в том числе и сами доводы разума. Вы меня потом спросите: а как это сочетается с верой? А вот так и сочетается. Ты должен быть интеллектуально честным. Твоя критичность при этом не в том, что ты все ругаешь, а в том, что ты все проверяешь – ты так устроен. Ты не боишься сомнений, потому что сомнения – это форма саморазвития. Ты сомневаешься не в существовании, не в бытии, а в своих представлениях о бытии. Образование делает человека экстерриториальным – язык для него важнее, чем место. Связь с думающими людьми важнее, чем принадлежность к этносу. Это не значит, что каждый образованный – космополит. Он может быть вполне себе глубоким патриотом. Но это его выбор. Он выбирает, кем он хочет быть. И не боится разделять точку зрения меньшинства. В некотором смысле слова все это – свобода.

Религия скоропостижного спасения

– Когда вы поняли, что Церковь вам нужна?

– На втором курсе института. Это был восемьдесят первый, кажется, год. И, как у многих в моем поколении, у меня началось то, что называется духовным поиском. Я не был слишком политизирован, и поэтому это не был поиск какой-то политической альтернативы. Но в той плоскости, в которой я жил, было душно, бессмысленно, тоскливо. Я прошел через всякие кришнаитские вещи, через полумистических немецких философов (довольно, кстати, опасных) и потихонечку начал подбираться к церковным воротам. А там – там оказалось все, что я искал. Причем ответы на некоторые вопросы стали просто не нужны. Например, вопрос о перевоплощении, который меня мучил, обесмыслился, потому что христианство – это, как кто-то сказал, религия скоропостижного спасения.

– Если вспомнить слова митрополита Антония, «свет вечной жизни» вы увидели у кого-то в глазах?

– Да, еще в школе мне повезло: я попал в литературный кружок при Дворце пионеров.

Его вела Зинаида Николаевна Новлянская, доньне здравствующая, очень хороший психолог и поэт. Она была веру-

ющая, как потом выяснилось, но, конечно, ни о какой вере с нами не говорила – только о литературе. И к литературе она не относилась как к жмыху, из которого надо выжать свет истинной веры, а остальное выбросить, – что случается иногда с православными. Нет, у нее это был разговор именно о литературе. А поскольку язык подчас сильнее, чем мысли автора, то, за исключением совсем уж позднего XX века, вы в литературе редко найдете последовательно атеистические произведения. Даже если автор, как Фет, сам себя считает атеистом.

Потом Зинаида Николаевна познакомила нас со своим коллегой, тоже психологом Александром Александровичем Мелик-Пашаевым, который спустя годы стал ее мужем, и он уже разговаривал с нами с каждым поодиночке, отвечая на наши вопросы. На втором курсе я крестился – он стал моим крестным.

Я начал ходить в храм Илии Пророка в Обыденском переулке. Великих стариков этого храма я уже не застал, но, когда я туда ходил, там служили прекрасные отцы Александр Егоров и Сергей Бордзыко. Уже задним числом я узнал, что среди знакомых мне прихожан один был тайным священником – это отец Глеб Каледа. А за свечным ящиком у нас стояла одна женщина – мы только потом узнали, что она была профессором, доктором химических наук¹. Как доктору наук было не скучно продавать в храме свечи? А просто она

¹ Будущая игуменья Серафима (Черная) – внучка св. Серафима (Чичагова).

не свечи продавала, а участвовала в церковной жизни.

Еще там служил замечательный молодой священник, отец Вячеслав Резников, который был тогда только рукоположен. Мы с ним общались: я занимался Пушкиным, и он занимался Пушкиным, только он занимался им как священник, а я как литературовед. Он, конечно, был тогда не по летам суров, как и положено молодому священнику. Потом, через много лет, он мне рассказывал, что однажды молодую пару, опоздавшую к началу службы, отказался исповедовать – и что они теперь всю жизнь ему снятся и укоризненно качают головами... С возрастом он очень помягчел. К сожалению, он уже умер... Это был глубочайший священник, и проповеди он говорил замечательные. Второй человек, который произносил в Обыденском храме гениальные проповеди, – отец Сергей Бордзыко. Он проповедовал иногда после вечерней службы, когда почти все уже разошлись – вдруг выскакивал с крестом, полусгорбленный, почти безбородый... Он немножко выпивал, поэтому его держали за штатом и не всегда допускали служить. Но когда он начинал говорить своим громовым голосом – то вдруг все, о чем он говорил, я видел. Одну его проповедь о том, как апостол поверил Христу и пошел за ним по волнам, а потом на секунду оторвал взгляд от Христа и сразу стал тонуть, я до сих пор помню в деталях, хотя прошло уже больше 30 лет.

В начале 80-х в Обыденском храме было очень хорошо. Причем это не был интеллигентский приход, хотя интелли-

генции там было немало. Там все были как-то равны. И все, даже не особо общаясь друг с другом (поскольку в то время такое общение было небезопасным), любили друг друга. Это было видно. И в мертвом бюрократическом советском мире это переживалось особенно.

Через дырочки

– Сергей Аверинцев² ведь тоже ходил в этот храм? Удивительно, но практически каждый человек, в 70-80-е пришедший в Церковь, говорил, что на него повлиял Аверинцев. Как ему так удалось на всех повлиять?

– Да, я встречал Сергея Сергеевича иногда на службах в Обыденском, но познакомились мы, когда я брал у него большое интервью для журнала «Вопросы литературы». Я для этого интервью встречался с ним на протяжении нескольких месяцев – он меня измучил, вытянул из меня все жилы... Но зато я имел возможность несколько раз ездить к нему домой и общаться – это был очень важный эпизод моей жизни.

Как он столько людей привел в Церковь? Он просто сработал магнитом-напылителем. Он мог в этом смысле больше, чем любой священник, потому что священник в то время был встроен в некую систему и отодвинут от светского мира.

² Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) – филолог, культуролог, философ, библиист, историк христианства, переводчик, литературовед, поэт. Н. Струве писал о нем: «Пытаясь определить значение Сергея Сергеевича в русской культуре, я говорил себе: он вроде бы Жуковский наших дней! С той разницей, что Жуковский стоял у колыбели русской культуры, а Аверинцеву суждено было преодолеть ужасающее безвременье, когда культуру сознательно разрушали. <...> Аверинцев предстоит перед моим взором не в меньшей мере как смиренный ученик и яркий свидетель Христа. Лучи веры освещали все его творчество».

А это было время, когда в Церковь пошла начитанная интеллигенция, в том числе ученые. Барьер, который разделял ученых и Церковь в дореволюционной России, вдруг взял да и сломался. Оказалось, что разум, знание, наука не противоречат никоим образом личной вере, и нужны были люди, которые говорят на одном языке с этой интеллигенцией.

– Что вдруг заставило ученых пойти в Церковь?

– Я не могу вычленить какие-то причины. У меня есть абсолютно ненаучный ответ: значит, так Господь Бог распорядился. Это началось еще в 60-х годах и шло потихонечку. Тогда появились молодой отец Александр Мень, молодой отец Дмитрий Дудко, отец Всеволод Шпиллер с его красивыми проповедями.

Ученые дали второе дыхание Церкви. До этого Церковь держалась на бабушках в платочках, на «саблезубых бабушках», которые в тяжелые времена вынесли на своих плечах всю церковную традицию. Но их становилось все меньше.

При этом внутри церковной жизни не было вольного дыхания – потому что была разорвана связь с обществом. И вот эта связь начала восстанавливаться через людей науки, в том числе науки гуманитарной. Это совпало с мощным всплеском в области гуманитарного знания. Вот, например, маленький, не существующий в глазах московского начальства университет в Тарту – и в нем преподавал профессор

Юрий Лотман³. Вокруг Лотмана выстроилась целая школа, в Тарту поехали люди из Москвы, Ленинграда, из других городов. От маленького университета побежали в разные стороны волны, внутри этих волн образовались водовороты, в том числе религиозные.

Вообще все это пробивалось потихоньку, «из-под глыб»⁴. В почти безнадежные 60-е в издательстве «Энциклопедия» начался выпуск «Философской энциклопедии». Что такое философская энциклопедия в начале 60-х? Маркс на Ленине сидит и Энгельсом погоняет. Но удивительное дело – уже с третьего тома, статья за статьей, разрастался весь пласт русской (и не только русской) религиозной мысли. В этой энциклопедии можно обнаружить статьи о ранних хри-

³ Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) – литературовед, культуролог, семиотик. Один из основоположников структурно-семиотического метода изучения художественных произведений. Преподавал в Тартуском университете, профессор, завкафедрой русской литературы. Еще в середине 1960-х годов Лотман стал лидером семиотики в СССР. Ему принадлежала идея проводить в Тарту ежегодные летние школы по вторичным моделирующим системам и выпускать «Труды по знаковым системам». Вспоминая организованные им научные конференции, В. А. Успенский отмечал: «Лотман – настройщик, дирижер и первая скрипка... Он следит за высотой интеллектуальной планки и одновременно блюдет демократический ритуал. Он подает руку всем дамам при выгрузке из автобуса. Он следит, чтобы после завтрака, обеда и ужина вся посуда была унесена со стола. Он называет всех участников, включая студентов, только по имени-отчеству...»

⁴ «Из-под глыб» – так назывался сборник статей о настоящем и о возможном будущем России. Впервые опубликован в Париже на русском языке в 1974 году, в СССР нелегально распространялся в самиздате. Среди его авторов – А. Солженицын и И. Шафаревич.

стианских мыслителей, о средневековой схоластике, о Флоренском – их и сегодня не стыдно читать. Откуда они там взялись? Оказывается, в редакции «Философской энциклопедии» появились молодые выпускники философского факультета – Рената Гальцева, Юрий Попов. И они стали привлекать к написанию статей того же Аверинцева, Александра Викторовича Михайлова, еще каких-то гуманитариев – и вдруг дело задышало.

– И их никто не трогал?

– Для начала они просто боялись меньше, чем было положено. А дальше выяснилось, что советская власть поизносилась и стала отчасти дырявая и что если принять жидкую форму, то можно протечь через эти дырочки туда, куда она вообще-то не пускает.

Были разработаны всякого рода приемы. Ну, например, редактор заказывал Аверинцеву статью под названием «Христианство». Аверинцев писал ему почти богословский трактат. Потом заказывали крошечный довесок директору Института религии и атеизма (или как он там назывался) – тот писал, подписывался. В верстке замазывали фамилию Аверинцева, давали начальству. Начальство видело, что статья «Христианство» написана директором Института научного атеизма при ЦК КПСС, и отправляло в печать. Потом подпись Аверинцева возвращалась. Или, например, правили и черкали статью так, что ничего невозможно было разобрать, и давали на подпись начальству. Начальству было неохота в этом копаться, и оно тоже подмахивало это в печать. Еще

были начальники, которые увлекались и сами помогали всему этому процессу. Был, например, профессор, позже член-корреспондент по фамилии Спиркин – вдруг оказалось, что ему нравится этот клятый идеализм.

В общем, поздняя советская власть была сложнее, чем кажется на первый взгляд.

И в то время глубокий ученый Аверинцев своим собственным примером показал, что нет границы между верой и знанием. И он стал магнитом, вокруг него начали вихриться эти энергетические потоки. Я однажды в самом начале 80-х был на его лекции в МГУ – огромная аудитория была забита снизу доверху.

Время простора

– С 90-х годов идут попытки создать православную прессу, православное телевидение и радио. А почему вы не работали и не работаете в православных СМИ?

– Я недисциплинированный. Я не умею подчиняться.

– Но на телевидении же вы подчиняетесь?..

– Подчиняюсь, но это более сложная система. Я произвожу программу в отдельном продюсерском центре – возможно, просто в структуре канала я не смог бы работать. Если мне не удастся поднять одну тему, я подниму другую, но никто и никогда не диктовал мне, что я должен говорить или к какому выводу должен подвести моих гостей. Дело в том, что именно в журналистике и творчестве я не признаю управления. А Церковь – это не только мистическое Тело, Которое вбирает в себя все, и в этом вечном огне (в хорошем смысле слова) сгорают все противоречия. Церковь – это социальный институт со своим вертикальным управлением. Наверное, это правильно – я это не обсуждаю.

Но совершенно точно, что журналист должен находиться в большей степени свободы – иначе это будет не журналистика. Хотя, конечно, журналистика существует не для того, чтобы транслировать свою личную позицию. Для этого есть публицистика, в том числе и христианская. Когда я, как пуб-

лицист, хочу достучаться до аудитории, я не скрываю, что я свою мысль ввинчиваю людям в головы. Я заранее предупреждаю: «Внимание! У меня в руках саморез и отвертка. Не хотите – не подходите». А журналистика – она имеет свои ценностные ориентиры, но должна давать разные голоса.

На моей памяти был один православный проект, и при этом это была журналистика – журнал «Нескучный сад». Но где он? Закрылся. Потому что у нас нет свободного рынка для поддержки христианских движений. Бизнес ведь тоже структурирован – ему проще иметь дело с официальными институтами, нежели с вольноопределяющимися. Ему проще помогать Церкви как структуре, а не христианству как направлению. «Кто за тобой стоит?» – спрашивает бизнесмен любого, кто к нему приходит. Рынка с рекламой для православных изданий нет, поэтому остается только прямая финансовая поддержка медийных церковных структур. Но здесь тоже все непросто.

Если в 90-е пожертвовать на храм нередко хотели просто разбойники с большой дороги, то сегодня лукавую лепту подчас мечтают предложить некоторые представители частного бизнеса, для которых, по формуле Оруэлла, «война – это мир».

Я буду счастлив, если кто-то сделает православный канал именно как журналистский проект. Пока я такого не видел.

– В «Тем временем» вы в первую очередь журна-

лист?

– Да. Я не рассказываю о своих взглядах. И мне все равно, в каких отношениях мой гость с той институцией, к которой принадлежу я. Мне важно, есть ли этому человеку что сказать и оплатил ли он своей жизнью это право высказываться. Если оплатил – все, этого достаточно.

– Помните какой-то яркий эпизод за 13 лет существования программы?

– Однажды у меня в студии собрались сыновья выдающихся поэтов: Евгений Борисович Пастернак, Никита Николаевич Заболоцкий, Алексей Кириллович Симонов и Никита Владимирович Высоцкий. И они говорили об отцах. И знаете, стало понятно, почему они все так глубоко понимают творчество своих отцов и занимаются им. Они все – дети от первого брака. И им настолько не хватало отцов, что они проникновением в их творчество как бы восполнили для себя их личность. И когда они в конце по очереди каждый прочитали по одному фрагменту из стихотворений своих отцов, у меня чуть слезы не навернулись, хотя я не самый sentimentalный на свете человек.

– А какие у вас остались ощущения от детства?

– Сложные. Детство – очень сложное время. Это время бесконечного пробуравливания сопротивляющегося жизненного материала. Ты все время в конфликте с реально-

стью, потому что она бросает тебе вызовы, и ты должен на эти вызовы отвечать. С другой стороны, детство – это время простора. Ты принадлежишь себе.

Может быть, если бы я рос в каком-нибудь благополучном московском центре, жизнь складывалась бы как-то по-другому, но я рос на окраине Москвы, где мои интеллектуальные порывы не всегда находили сочувствие. Просто для понимания: двое моих одноклассников встретились на зоне – один за убийство, другой за групповое изнасилование. Из одиннадцати мальчиков, которые учились со мной в классе, шестерых уже нет. Так что нравы были еще те. Ко мне относились скорее хорошо, но отстаивать свое право на уважение нужно было довольно жестко. Хотя это была отличная жизненная школа. На телевидении, кстати, потом очень пригодилось.

Читатель или быть святым

– Вы себя называете в первую очередь литератором. Почему именно литература стала главной?

– Вообще я в детстве увлекался математикой. Потом перестал ею увлекаться – до такой степени, что с трудом закончил среднюю школу. А погубили меня книги. Пастернак меня засосал, обглодал и выплюнул – поэтому стихов я уже точно никогда писать не буду. Как поэт я в нем умер. Ну и слава Богу. На самом деле не надо писать, если ты можешь пережить то же самое, читая других.

Но с прозой у меня отношения более сложные. Я ее пишу, потому что не получаю ответов на свои вопросы в том, что уже написано. Ну, и просто – я себя тут нашел. Получается, не получается – это не так важно. Я лично, вот такой, какой я есть, тут себя нашел. Мне хорошо в литературе.

– Вообще писатель для чего пишет?

– Ни для чего. Это маниакальное состояние. Повторюсь: если можно все то же самое пережить, просто созерцая или читая, лучше пережить все то же самое, созерцая или читая. Писательство – это даже не переживание, это проживание. Ты перерабатываешь эти бесконечные слова, роешь, как крот. Роешь, роешь, роешь. Для чего крот роет? Живет он так, вот и все. Вот и писатель пишет, потому что он так живет. Это не самое легкое дело, но, если оно твое, ты без него не можешь.

– А чем настоящий писатель отличается от ненастоящего?

– Я не знаю. Но хорошая книга от плохой отличается тем, что она живая. Если глаз «начитан», ты понимаешь это очень быстро. Это может тебе не нравиться, это может быть не твое – отношения с литературой вообще должны быть напряженные, – но ты сразу видишь, есть здесь дыхание или нет, есть словесный слух у автора или нет. Умеет он построить конструкцию и остаться при этом непредсказуемым – или не умеет. Умеет – значит, писатель. Нет – значит, уже ничем не

поможешь. А вообще у меня нет отношений с писателями. У меня есть отношения с книгами. Я могу любить у определенного писателя только одну книгу из всех. Так же и с моими книгами: у меня есть два романа, и людям нравится либо один, либо другой. Причем если нравится один, то очень не нравится другой. Это – нормальное дело. Это как поиск рифмы. Ты все время находишься в поиске рифмы.

– У литературы есть какая-то задача? Ведь можно быть нравственным человеком и при этом не прочесть ни одной книжки...

– Можно. Митрополиту Антонию Сурожскому кто-то из молодых священников сказал: «Владыка, а Серафим Саровский книжек не читал, а был святым». На что владыка ответил: «Можешь стать святым – не читай».

Да, я думаю, что в раю нет книжек. Потому что сам рай есть книга, внутри которой мы прописаны. Но сейчас мы не в раю. И нам нужны вспомогательные плавсредства. Мы тонем. Книга может помочь выплыть. Потому что, во-первых, читая, мы в каком-то подобии проживаем чужую жизнь, мы раскрываем свое сознание. Во-вторых, мы учимся тому, насколько жизнь сложна и запутанна. Литература учит не положительным примерам. Она учит самой невероятной сложности жизнеустройства. Она – антидот, противоядие, которое дают еще до того, как в тебя впрыснули яд. Поэтому в детстве так важно читать. И важно читать книжки про плохое, про

путаное. Бояться разговора с подростком о каких-то неприятных вещах – от наркотиков до распада семьи – это роковая ошибка. Лучше в подобии получить рассказ о том, как сложна жизнь, чем получить сладкую сказку, а потом столкнуться с этой искривленной реальностью.

– Вы хотели бы победить в «Большой книге»?

– Я, несомненно, хотел бы, чтобы книжку читали и она хорошо продавалась, и для этого надо куда-то попасть. Но это просто механизм. Награда и признание в этом смысле всегда случайны.

– А почему, если писатель пишет, потому что не может не писать, ему важно, чтобы его еще и читали?

– Потому что это может быть суррогатный, но все-таки разговор с другим человеком. Причем это разговор в тех формах, в каких в реальности не поговоришь. И о тех вещах, о которых ты напрямую не скажешь. Когда ты отдаешь книжку читателям, ты пускаешь их внутрь себя. Это странный, почти мистический процесс. Почти. Я не склонен придавать этому какого-то грандиозного значения, но это удивительное чувство: ты впускаешь в свой мир разных людей, они приходят – и либо слышат тебя, либо не слышат. Это очень трудно описать. Но это один из мотивов, который побуждает тебя писать. Я говорил, что на телевидении у меня нет зависимости от аудитории. А с книжками есть. Надеюсь,

не очень тяжелая.

– И как же – вы всех пускаете, и чужие могут войти и натоптать там...

– Нет, книжки ведь так и пишутся, что в них чужой не войдет. Тот, кому у тебя неуютно, слишком просторно или, наоборот, слишком тесно, – не пойдет к тебе. Пролезет в щель только тот, кто может в нее пролезть.

Лава не застыла

– Как историк, как вы оцениваете то, что происходит сейчас в России?

– Я думаю, мы, с одной стороны, переживаем, надеюсь, последний этап распада империи. То есть те процессы, которые начались – кто считает, что в 1985-м, кто – в 1991-м, – эти процессы еще не завершились. Лава не застыла. Наверное, скоро начнет застывать. Границы государства окончательно определятся, люди осознают себя людьми, перед которыми стоят совершенно другие исторические задачи. Мы поймем, кто мы в России: национальное государство, империя или какое-то совершенно иное общество, – кто наши друзья, кто наши враги, кто соседи, кто мы сами.

– Думаете, мы поймем это в конце концов?

– А куда мы денемся? Но развилка трудная, потому что, прежде чем лава застынет, мы можем пережить еще один распад. Я надеюсь, что этого не будет, я большой противник распадов. Но пока мы не имеем ответа на очень важный вопрос: что нас будет в конечном счете объединять?

– Вы раньше говорили, что язык. Сейчас вы так уже не считаете?

– Язык может объединять и после распада. Дело в том,

что мы разочаровались в модернизации – мы думали, что обновленная Россия нас всех будет вдохновлять. Это как-то не получилось. Теперь мы думаем, что нас всех будет объединять архаика – то, как было в прошлом. Но проблема в том, что, во-первых, это никогда не работает. А во-вторых, абсолютное большинство традиций умерло. То, что мы выдаем за традиции, – это конструкции. Это все придумано. Хотя мы так любим об этом говорить, мы просто не понимаем, что это значит – традиционные ценности. Во-первых, заметьте, оба слова нетрадиционные, очень поздние. Да и слово «культура» тоже очень позднее, Пушкин не понял бы название нашего телеканала. Все, что мы выдаем за древность, является плохо прикрытой новизной. А если вы хотите себе представить, что такое воплощенные традиционные ценности, – вспомните Кончиту Вурст, бородатую женщину. Нет ничего более традиционного, чем бородатая женщина на средневековой ярмарке. Прямым ходом из Средних веков нам на блюде принесли эту воплощенную традиционную ценность. Вы хотите иметь такие традиционные ценности?

А в Провидении нет никакой архаики. И модернизации в нем нет. В нем есть вечно меняющаяся вечная неизменность. И есть готовность и открытость этому. Мы готовы меняться, оставаясь самими собой? Если готовы, что-то может получиться. Нет – архаические конструкции всегда ведут к потере того, что мы надеялись с их помощью сохранить.

Нас может объединить готовность двигаться в будущее

вместе. Мы должны сказать, что нас не прошлое объединяет – нас объединяет будущее.

Будущее, которое мы хотим построить вместе. И в этом будущем должны будут рядом оказаться и консерваторы, и модернисты. А может, вообще не будет ни консерваторов, ни модернистов.

Понимаете, будущее – это мир наших детей. Если мы ради наших детей готовы двигаться вперед, давайте начнем этот разговор. Может быть, у нас еще есть время. Хотя я уже не уверен.

– Вы как-то говорили, что жизнь – это эскалатор, и для того, чтобы не опускаться вниз, надо все время бежать вверх...

– Знаете, в последнее время у меня ощущение, что эскалатор существует, мы по нему бежим, но уже само здание начинает опускаться вниз. Вот тут мы уже бессильны.

– Звучит пугающе...

– Ну, я трезвый человек. Я не люблю впадать в истерики, но мне кажется, что мы не имеем права прятаться от того, что наблюдаем. Это не значит, что мы выносим исторический приговор. Господь Бог сам решит, когда и что Ему прекращать. Но трезвый анализ говорит, что здание медленно и неуклонно погружается в пучину...

– И вас это не приводит в уныние и ужас?

– Время от времени. У меня, видимо, так устроен организм, что я задолго до того, как начались какие-то процессы, вдруг ощущаю их неизбежность. Тогда у меня бывает период депрессии. Зато потом, когда эти процессы происходят, я их уже не боюсь. Хоть здание и опускается, бежать вверх по эскалатору все равно нужно. Мы же не знаем, насколько глубоко оно может опуститься.

– Как вам кажется, какой библейский образ самый подходящий для современной России?

– Я думаю, что России в сегодняшнем состоянии полезно вспомнить про Ноя, про ковчег и прилетающего голубя. Нам надо очень молиться о мире. А если брать новозаветный образ... Ну, наверное, Гефсиманский сад, моление о чаше. Для меня это очень важный эпизод. Хотя, может быть, причина – в литературе и гениальных стихах Пастернака, мне трудно сказать. Но я вижу этих валяющихся апостолов и Христа – который один на один со своей молитвой и своим выбором.

«Вежливо жалят...»

– Есть у вас ностальгия по советским временам именно в Церкви? Многие считают, что для Церкви лучше быть гонимой...

– По советским временам никакой ностальгии у меня нет, потому что это дерьмо было, а не времена. Но мне кажется, тогда в Церкви все-таки жил правильно осмысленный опыт трагедии XX века.

– Сейчас это ушло?

– Мне кажется, да. Ну, опять же, это обобщение. В ком-то ушло, в ком-то нет. Мы всегда можем найти священников, которые живут и мыслят иначе, – но в целом, в структуре, в организме что-то такое, мне кажется, исчезло. Холода, равнодушия, даже грубости стало больше.

– Но ведь «саблезубых» бабушек не стало...

– Ну а что бабушки? Бабушка всего лишь может сдернуть сумку с плеча да свечки за тобой переставить в правильном порядке. Тоже мне беда! Нет, иногда, мне кажется, происходит что-то похожее на описанное в пастернаковском стихотворении: «Вежливо жалят, как змеи в овсе». Меня-то из Церкви дустом не вытравишь, потому что я все-таки в ней живу. А тот, кто зашел в нее и не врос, – того выдувает вет-

ром. Там очень ветрено.

– Когда начались 90-е, у вас было предощущение чего-то великого для Церкви?

– Да, великих шансов. Я помню два события. Первое – это поездка на перенесение мощей преподобного Серафима Саровского. Конечно, это было мощное переживание. Так перед глазами все это и стоит у меня до сих пор: эти палатки военные, в которых – десятки тысяч паломников. И эти смиренные многочасовые очереди, когда никто не толкался, все было преисполнено любви, и при этом не было суеверия, демонстративного суеверия, которое сейчас нередко преобладает. Я не хочу осуждать людей, но сегодня часто вместо молитвы в очередях к святыням бывает что-то больше похожее на магический обряд... Тогда люди пришли молиться, радоваться и вместе участвовать. Там была Церковь, которая вдруг открыла врата в мир.

Второе воспоминание – интронизация Алексея II. Он произнес замечательную речь – там было столько надежд! Он говорил об образовании, о диалоге с обществом, говорил глубоко, искренне. Конечно, после пименовских⁵ молчаливых времен заговорившая, да еще и с дореволюционным акцентом, Церковь была в силе.

– Как вы думаете, почему первый подъем начала 90-

⁵ Пимен (1910–1990) – патриарх Московский и всея Руси с 1971 по 1990 год.

х сошел на нет? Не случилось того духовного возрождения?

– Я могу дать примитивное объяснение, на моем уровне. Отчасти это объясняется социальными процессами. В Церковь влилось огромное количество испуганных, растерянных людей, которые свой испуг и растерянность принесли в ее стены. Из них стали ставить священников, которые транслировали этот страх, подводя под него уже мистическую базу.

– А в советское время не приходили испуганные и растерянные?

– Приходили, но их не было так катастрофически много. Вообще можно сказать, что сейчас наше общество находится в трясине. Но только Церковь должна быть не там, где все, а все должны быть там, где Церковь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.